

39. 001114.34
Т 78

1945 г.

1966

6039
976

Т Р У Д Ы

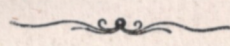
ЯРОСЛАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО

СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА,

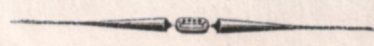
издаваемые под редакціей испр. долж. секретаря комитета А. Фогель.

80
BISacc

24605

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

101

КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАТЬБА
ВЪ ПОПЕХОНСКОМЪ УѢЗДѢ.

1
Пропиванье.

Крестьянская сватба начинается у насъ, какъ и вездѣ, сватовствомъ. Когда дѣло слаживается, сватающіе договариваются о выводѣ съ жениха, о приданомъ невѣсты, даютъ другъ-другу руки и молятся Богу. При этомъ иногда бываютъ, кромѣ свата или сватьи, отецъ жениха и мать, даже и самъ женихъ. Когда помолятся, народу—сосѣдей и сосѣдокъ—находить полная изба, а къ невѣстѣ собираются подруги. Договорившіеся сватовья садятся за столъ, распиваютъ вино и чай. Невѣста, въ это время, гдѣ нибудь лежитъ и плачетъ, стонетъ и причитаетъ. Такое начало сватбы называется очень разнообразно: въ одномъ мѣстѣ Попехонскаго уѣзда это—*пропиванье*, въ другомъ: *слово дами*, *словорки*, *просватанье*, и проч.

Вотъ какіе причоты выводитъ невѣста:

Не давай, кормилецъ батюшко,
Ты своей-го руки правыя
Моему-го злому ворогу—
Свату, къ тебѣ засланному.

Не зажигай-ко, родимая матушка
 Свѣчи воска ярова,
 Не молитесь вы Богу-Господу,
 Не сгубляйте красу дѣвичью.
 Мало-то я у васъ, желанные,
 Пожила, покрасовалася,
 Со подружкамъ поводилася;
 Мало я у васъ нагулялася
 По темнымъ лѣсамъ дремучимъ,
 По полямъ-лугамъ зеленымъ;
 Мало-то я у васъ порядилася
 Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья садятся за столъ и начинаютъ *пропивать*, т. е. пить вино, цѣловаться и поздравлять другъ-друга, невеста причитаетъ:

Не пропивай, кормилецъ батюшко,
 За стаканомъ зелена вина
 Ты мою да красу дѣвичью.
 То вино-то изъ слѣзъ сдѣлано,
 Да на слѣзы сватомъ куплено.
 Ужъ какъ миѣ-то красной дѣвицѣ,
 Знать, досыта будетъ плакаться,
 А слезами умыватися?

Пропиванье бываетъ очень недолго: разоцѣпютъ четвертнюю или полведра, возьмутъ у невесты для жениха платокъ или кольцо, и затѣмъ сватовья уходятъ. Народъ и подруги невесты остаются. Невѣсту сводятъ съ печи или съ полатей, сажаютъ за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать; причемъ накрываютъ ее большимъ платкомъ, чтобы невидно было лица. За столомъ невеста опять начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
 Пресвятая Мать-Богородица!
 Благослови, кормилецъ батюшко,
 И родимая моя матушка,
 Миѣ садится-то, красной дѣвицѣ,
 Миѣ во мѣсто-то во печальное,
 Во печальное да въ горе-горькое!

Вы, соколики братцы милые
 И голубушки невестушки,
 Осердился да распрогибались
 На меня, на красну дѣвицу:
 Вы пропили меня, желанные,
 За стаканъ за зелена вина!
 Знать, не слуга я была, не работница,
 Не посылочка была для васъ скорая,
 Обносила васъ, желанные,
 Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
 Васъ обѣла кусомъ сахарнымъ.

Потомъ невеста обращаетъ свои причитанья къ стоящимъ и сидящимъ рядомъ съ нею подругамъ.

Вы, голубушки подруженьки,
 Вы лебедушки да бѣлыя,
 Вы, сосѣдушки болѣзныя,
 Что вы долго снаряжались?
 Иль посылу дожидались?
 Миѣ послать-то было некого,
 Миѣ самой-то идти нѣвремя:
 Миѣ подрѣзали скоры ноженьки.
 Не пришли, знать, вы за спѣсью,
 Да за гордостью великою!
 Я сама-то знаю, вѣдаю:
 Не за спѣсью, не за гордостью,
 А за дѣломъ за домовьемъ.
 Не прогибайтесь, подруженьки
 И сосѣдушки болѣзныя,
 Что не вышла, васъ не встрѣтила
 Середь улицы широкія,
 Середь мостику капинова,
 Середь лѣсенки брусовыя;
 Не становилась я, красна дѣвица,
 Супротивъ креста поклоннаго,
 Что поклоннаго, да богомольнаго.
 Не смогу встать—приподнятися
 Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
 Отъ опушечки-то отъ кленовыя:
 Испугалъ меня кормилецъ-батюшко,
 И родимая-то моя матушка,
 Что до самаго до ретива-сердца.

Скоры поженьки-то подломилса,
 Руки бѣлыя-то опустилиса,
 Голова какъ съ плечь свалилася.
 Испугали меня дѣвицу
 Что чужой злодѣйкой стѣроной,
 Что злодѣйкой незнакомою,
 И злодѣямъ—злымъ чужимъ людемъ, (*)
 И дороднымъ добрымъ молодцомъ.

Послѣ причитанья, подруги и сосѣди унимають невесту: «Полно, голубушка, перестань, не надрывайся, еще заплачешься!» Прощаются и расходятся. Невѣста опять идетъ на печь или на полати, и съ этого времени она оставляетъ всё дѣло: никто изъ домашнихъ не нуждается «сговорѣнку» къ работѣ. Послѣ пропиванья, невеста каждый день плачетъ, сидя за столомъ, обращаясь то къ отцу, то къ матери съ причитаньями, почти такими же, какія приведены выше. Подруги ее постоянно навѣщаютъ. При входѣ ихъ, невеста причитаетъ: «Что долго замѣшкались, мои подруженьки?»—Они шьютъ приданое, разное бѣлье и сарафаны.

II.

Рукобитье.

Въ назначенное время, дни за три-за четыре до свадьбы, бываетъ рукобитье. Сватъ съ отцомъ и матерью жениха, въ сопровожденіи родственниковъ, ѣдетъ къ отцу невесты, для пированья на рукобитѣ. Входятъ въ домъ, молятся Богу, здороваются съ хозяевами и, по приглашенію ихъ, садятся за покрытый скатертью столъ. На немъ стоятъ на тарелкѣ пирогъ-сгибень и соль. Отецъ (иногда мать) невесты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ вѣтають,

(*) Это—особенность пошехонскаго нарѣчія. *Ред.*

а двери запирають на крючокъ: примѣта народная, чтобы во время богомольства никто посторонній не пришолъ. Молятся. Потомъ сватъ складываетъ руку отца жениха съ рукою отца невесты и, взявъ со стола пирогъ, обводитъ имъ вокругъ руки сватовой три раза; затѣмъ, переломивъ, дѣлитъ пополамъ. Этотъ переломленный пирогъ хранится до дня свадьбы; послѣ вѣнчанья, новобрачные должны съѣсть его прежде всего. Потомъ сватовья садятся за столы, и начинается обѣдъ, угощенье до-пьяна. Въ это время невеста сидитъ подъ полатами въ заднемъ углу, покрытая платкомъ; вокругъ ея подруги, а впереди смотрять сосѣди. Если невеста сама не очень горазда на причитанья, въ такомъ случаѣ зовутъ *выльницу*, которая и помогаетъ ей выть, причитать. Вотъ какія, преимущественно, бывають причитанья въ день рукобитья:

Благослови-ко меня, Господи,
 Пресвятая Мать Богородица,
 Повить-то мнѣ, поплакати,
 Зычну голосу повынести,
 Слѣзъ горючихъ повыронить,
 Лицо бѣлое повымочить,
 Платье цвѣтное повырудать! (*)
 Голоса-то у меня мздой-младѣхоньки—
 Голоса-то заунывные
 И причоты всё нескладные.

Невеста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невесткамъ.

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
 И родимая ты моя матушка,
 И соколы да братцы милые,
 И голубушки-невестушки,
 Я о чемъ вамъ говорить буду,
 Говорить буду, наказывать,
 Понизѣхоньку вамъ буду кланяться,
 Горючимъ слезамъ заливатися.

(*) Порудать—затаскать, обносить, *Дет.*

Невѣсту подводять къ отцу, матери и къ роднымъ; она имъ кланяется въ ноги. Все плачутъ навзрыдъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ въ уголъ подѣ полати, и она причитаетъ:

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколки братцы желанные,
И голубушки невѣстушки!
Не послушались вы наказу крѣпкаго,
Запоручили вы красну дѣвицу
За поруки-то за крѣкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы на что же такъ разсердились,
Разсердились, распростились?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя родимый батюшко.
Я себѣ беру приданое:
Города все съ пригородками,
Все лѣса съ полями чистыми.
Ты подумалъ бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга тебѣ была и работница,
Я въ семьѣ была покорная,
Имя честное не безславна;
А ты не далъ мнѣ, кормилецъ батюшко,
Съ умомъ-разумомъ собратися,
Со подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ младѣхонька
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ
Мои слѣзы сладки кажутся,
Мое горе имъ весельецо,
Мнѣ кручина, а имъ радости.

Невѣста съ причотами обращается къ своимъ подругамъ:

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задумевныя вы сударушки,
Какъ пойдете вы на гуляньецо,
На гулянье на веселое,

Во лѣса-то вы во темные,
Во поля-то вы во чистыя,
Собирать грибки да ягодки,
Работать работу страдную,
Выводить хороводы веселые:
Не забудьте меня, милыя,
На чужой дальней сторонущкѣ,
Вспомните отъ радѣннца,
Какъ живу я у чужихъ людей.
Мое сердце растоскуется,
Я приду къ вамъ, васъ спровѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Въ некоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда, рукобитье бываетъ у жениха; тогда отецъ его угощаетъ родителя невѣсты, по порядку соблюдается тотъ же: пирогъ ломается, и Богу молятся одинаковымъ образомъ. Женихъ угощаетъ виномъ и пивомъ гостей. Когда собираются на рукобитье отецъ, мать и другіе родственники невѣсты, она прощается съ ними, причиталъ:

Вы поѣдете, мои родимые,
На злодѣйку чужу сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитесь, мои жаланные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтесь на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе:
Ихъ поклоны-то погупленые,
А слова-то все заученныя,
Питья, яства въ долѣгъ понабраны,
Платя цѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Черезъ столы вы черезъ дубовые,
Черезъ скатерти черезъ бранныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣкія,
Что за крѣкія, вѣковѣчныя,
Чтобы мнѣ молодой не плакаться,
Съ вамъ, жаланнымъ, не разстатися.

Потомъ она обращается къ невесткѣ:

Ты послушай-ко, моя невестушка,
Разлюбезная голубушка,
О чемъ я тебя просить буду.
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Когда родные возвращаются съ рукобитья, невеста опять встрѣчаетъ ихъ причитаньями.

Не послушались, мои жаланные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалились на мои слѣзы,
Вы на слѣзы мои горькія.
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки то за крѣпкія
И за письма вѣковѣчныя.
Звать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Обращается къ невесткѣ и причитаетъ:

Ты, голубушка невестушка,
Что примѣтила, моя голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ, незнакомой мнѣ?
Каковы тамъ чужіи люди
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Невѣстка садится радомъ съ ней и, въ свою очередь, начинаетъ отвѣчать причитаньями:

Попримѣтила, моя голубушка,
Разлюбезная золовушка,

Я примѣтила чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнаго, богатые;
А дородный добрый молодецъ
Будто яхонтецъ катается,
Ходить полемь—улыбается;
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны какъ у сокола;
Шлетъ къ тебѣ свои подарочки:
Перстенецъ съ руки золоченый,
Шелковѣй платокъ со цвѣтикамъ.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Пріѣхавшіе съ рукобитья родные, всѣ, разумеется, сильно пьяные, досыта плачутъ съ невестой. Но вотъ наступаетъ и дѣвичникъ.

III.

Дѣвичникъ.

Онъ бываетъ въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ. Къ невестѣ сходятся подруги, и пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ пряниками и пирогами, которыми она одѣляетъ собравшихся дѣвушекъ и смотрящій народъ, преимущественно малелькихъ ребятъ. Дѣвушки поютъ пѣсни, а невеста плачетъ съ причитаньями. Вотъ они. Прежде всего, невеста обращается къ подругамъ:

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я дѣвица,
Заглядѣлася я красная,
Что на васъ, мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.

Вы сидите всё веселыя
 На своихъ мѣстахъ на радостныхъ;
 Вы ердились сряднёхонько,
 Платье цвѣтно на вась новое,
 И головушки причесаны,
 Въ косахъ ленточки плетёныя.
 А вотъ я-то красна дѣвица,
 Я сижу въ мѣстѣ печальноемъ;
 У меня платье измятое,
 У меня буйна головушка
 Порастрепана, нечесана,
 Въ косу лента невплетёная
 Съ красотой на столъ положена.

Потомъ плачущая невѣста обращается съ причитаньями къ *красотѣ*, которая положена передъ ней на столъ. Красотою называется повязка изъ парчи съ лентами; эту повязку носятъ дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
 Я на вѣкъ съ тобой разстануся,
 Молодѣхонька наплачуся.
 Опущу я тебя, красота,
 Опущу тебя со ленточкамъ
 Во поля, въ луга широкіе,
 Во лѣса, въ боры дремучіе,
 На быстры рѣки текучія.
 Погляжу я красна дѣвица,
 Погляжу на свою красоту,
 Вкругъ чего она обвилася:
 Вкругъ осинушки ли горькія,
 Вкругъ березоньки ли бѣлыя,
 Аль вкругъ яблоньки кудрявыя?
 Если ты обвилася, красота,
 Вкругъ осинушки вкругъ горькія,—
 Миѣ житьё-то будетъ горькое,
 Миѣ замужье красной дѣвицѣ
 Нехорошее, печальное.
 Если ты обвилася, красота,
 Вкругъ березоньки вкругъ бѣлыя,—
 Миѣ житьё-то будетъ ровное,
 Житьё будетъ долговѣчное.

Если ты обвилася, красота,
 Вкругъ яблоньки кудрявыя,—
 Миѣ житьё будетъ хорошее,
 Развеселое, богатое.
 Я возьму тебя-ли, красота,
 На свои руки на бѣлыя,
 Отнесу я тебя, красота,
 Во луга наши зеленые,
 Положу тебя на травушку,
 На высокую, шелковую.
 Какъ придетъ-то лѣто тёплое,
 Что придуть-то люди добрые
 Во луга съ косами острыми,
 Что найдуть тебя, красота,
 И возьмутъ на руки бѣлыя,
 Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота
 Не на мѣстечко положена,
 Хоть и бережно поношена?—
 Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
 Тутъ не мѣсто красоватися.
 Я отдамъ тебя, красота,
 Что голубушкѣ милѣй сестрѣ,
 Поклонюся ей низёхонько:
 Ты возьми, возьми, мила сестра,
 Покрасуйся въ моей красотѣ.
 Ты прости-ко, моя красота,
 Я въ тебѣ покрасовалася,
 Берегла тебя, лелѣяла,
 И отъ солнышка отъ краснаго,
 И отъ вѣтру-вихря буйнаго,
 И отъ дождичка отъ частаго;
 Ты дороже миѣ казалася
 Золотой казны разсыпчатой,
 Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
 Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола «красоту» и уносить. Дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

При вечерѣ, вечерѣ,
 При послѣднемъ было вечерѣ, (*)

(*) Каждый стихъ повторяется дважды.

У Авдотья на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясень соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На узорчату' подзорнику.
Что ни кто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола
Авдотьяна матушка.
Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна,
Приласкай-ко ясна сокола!—
Ты, родимая моя матушка,
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой, матушка,
Разлучаетъ съ родомъ-племенемъ
И съ голубками подружками.

2.

Цвѣты мои, цвѣтики,
Голубые, васильковые,
Я не много васъ посѣяла,
Очень много уродилось.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнница,
Авдотья лицемѣрница,
Говорила, что замужъ не пойду,
Не йду, не йду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ монашины,
Васъ, подруженьки, съ собою возьму,
А сама буду игуменьей.

3.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизѣхоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу.

Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
Ты запри крѣпче вороточки
Тремя замками нѣмецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Ивановичу
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкой дворъ на батюшкинъ.

Какъ возговорить Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговорить Ивановичъ:
Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отонреть замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизѣхоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мнѣ русу косынку
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплестъ было русской косы.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу съ собою я свахоньку,
Расплететь твою русу косу,
Разовьеть всё съ косы золото.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизѣхоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ.
Вы, голубушки подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
 Ты не плачь, душа Васильевна.
 Я оставлю коней подь горой,
 А пѣшкошь взойду въ круту гору
 Со друзьяши, со товарищами,
 И возьму за руки бѣлыя,
 Поведу тебя подь златъ вѣнецъ.

4.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ
 Тутъ стояла нова свѣтлица,
 А во этой новой свѣтлицѣ
 Сидитъ дѣвица закрытая,
 Печальная, сговорѣная.
 Собирались къ ней подруженьки
 На дѣвичникъ на дѣвическій.
 Ты, подруженька голубушка,
 Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка,
 Намъ съ тобой больше не гуливать,
 Хороводовъ не вываживать,
 Рѣчей тайныхъ не говаривать.
 Во лѣса пойдемъ во тѣмные
 Сбирать грибки да ягодки,
 Вспомняемъ тебя голубушку.

Въ это время прѣѣзжаетъ ко двору сваха, съ гостинцами, и
 входитъ въ пазбу съ сундукомъ, въ которомъ накладыны приники,
 пироги и разные подарки невѣстѣ. Дѣвицы запѣвають, обращаясь
 къ свахѣ, пѣсню.

Вечеромъ позднымъ-позднѣхонько
 Къ Авдотьюну отцу, къ матери
 Приходила сваха сводница,
 Постучалась подь окошечкомъ,
 Выкликала мать Авдотьюну,
 Ей хвалила чужу сторону:
 На чужой дальней сторонущкѣ
 Поля сахаромъ засѣяны,
 Виноградомъ огорожены,
 Мѣдомъ-сытою поливаны;

Середь поля стоитъ горница—
 Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
 Три окошечка косясчаты
 И карнизки узорчаты.
 Свараа ты, сваха сводница!
 На чужой дальней сторонущкѣ
 Кто живалъ, такъ всё извѣдывалъ:
 Тамъ поля горемъ засѣяны,
 Да кручиной огорожены,
 Горючимъ слезамъ поливаны.
 Середь поля стоитъ келейка,
 Какъ конурка развалилася;
 Въ ней одно окно—разбитое.
 Околѣтъ бы тебѣ, свахонька,
 Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
 На тотъ свѣтъ идти безъ савана
 И безъ гроба бы валитися.
 Повезли бы сваху сводницу
 Во лѣса-то во дремучіе
 Да во грязи во топучія,
 Посвалили бь сваху сводницу
 Не въ могилу—поверхъ матушки
 Сырой земли валитися.

Въ это время сваха дѣлитъ гостинцы и потомъ уходитъ; иная
 говорятъ: «Ну, за эту пѣсенку не стоило бы вамъ, дѣвоньки, и го-
 стинцовъ давать!» По окончаніи дѣвичника, народъ уходитъ, а не-
 вѣста собирается идти прощаться со сродниками; окруженная под-
 ругами, она идетъ по селенію, реветъ *толстымъ голосомъ*, и,
 остановясь подь окошкомъ дома, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

Чьи это хоромы,
 Чьи это высокія?
 Какъ живеть въ нихъ
 Родной дядюшка
 Со болѣзною—со тегушкой?
 Вы простите молодѣхоньку
 Въ чемъ сгубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дому выходятъ дядя и тѣтка, ревутъ, обхвативъ невѣсту,
 и даютъ ей денегъ, кто сколько можетъ: гривенникъ, пятакъ,

гривну, даже и одну копѣйку. И такимъ образомъ она обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причотъ, затѣмъ возвращается домой съ подругами; иногда она отправляется и на кладбище, прощаться съ умершими родственниками. Вечеромъ невѣста непременно парится въ банѣ, а за неизбѣнимъ ея и въ печи, и тѣмъ оканчивается дѣвичникъ.

IV.

День брака.

Утромъ рано къ невѣстѣ опять приходятъ подруги, дѣвицы; онѣ собираютъ ее къ вѣнцу; въ домѣ тоже приготавливаются къ ширванью, потому что отъ вѣнца новобрачные прѣзжаютъ съ новой родней къ невѣстину отцу и пируютъ. Собравши невѣсту, усаживаютъ ее, покрытую платкомъ, за столъ, гдѣ поставлены пироги. Вокругъ невѣсты, которая плачетъ, сидятъ дѣвушки, а любопытные сосѣди смотрятъ и дожидаются прѣзда дружки со свахой; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ, за невѣстой прѣзжаетъ и женихъ. Причитанья бываютъ слѣдующія:

Вѣтры буйные, разбушуйтеса,
 Замѣтите путь-дороженьку,
 Не пройти бы, не проѣхати,
 Что за мной молодой злымъ чужимъ людамъ.
 Затворитеса, воротечка,
 Вы ширѣки крѣпко-накрѣпко.
 Ты закройся, красно солнышко,
 Разбушуйся туча грозная,
 Напустися ночью тѣмною.
 Разсыпайся, крупный дождичокъ,
 Разведи ты путь-дороженьку,
 Не пройти бы, не проѣхати
 Ко мнѣ злымъ чужимъ людамъ.

Ты послушай, соколъ милый братъ,
 Я объ чемъ тебя просить буду:
 Ты сходи-ко, соколъ милый братъ,
 Во поля, въ луга во чистые,
 Во лѣса-то во дремучіе,
 Во дубравушки зеленія,
 Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
 Тамъ всѣ звѣри люты водятся.
 Ты поймай-ко звѣря лютаго,
 Звѣря лютаго, ѣдучаго.
 Изъ рта его—огонь пламенемъ,
 Изъ ушей его дымъ столбомъ валить,
 Изъ очей его искры сыплются.
 Привези ты мнѣ звѣря лютаго,
 Привяжи его къ двору батюшки:
 Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди
 Ко широкому двору ко красному,
 Онѣ звѣря-то испугаются,
 Отъ меня молодой прочь отступятся.
 Я еще бъ покрасовалася
 У кормильца моего батюшки,
 У родимыя у матушки,
 У соколикъ братцевъ милыхъ,
 У голубушекъ невѣстушекъ.

Мнѣ проешду тѣмну ноченьку
 Не спалося красной дѣвицѣ,
 Во просонкахъ много видѣлось:
 Будто я-то красна дѣвица
 Выходила рано въ улицу,
 Гдѣ заря-то занимается,
 Красно солнце гдѣ красуется:
 Тамъ узнала васъ, подруженьки!
 Мнѣ на встрѣчу—злы чужи люди,
 Подзывали, силой забрали,
 Увели въ лѣса во темные;
 Тамъ мнѣ страшно показалося,
 И я съ плачемъ просышалася.
 А другое мнѣ привидѣлось:
 У моего кормильца батюшки
 Развалилася хоромина,

Середь улицы разсыпалась,
 Брёвна врозь всё раскатились,
 Углы прочь поотвалились.
 На трубѣ сидит да гаркаетъ
 Чёрный воронъ громкимъ голосомъ;
 А на ясно красно солнышко
 Тучи тёмныя надвинулись,
 Грянулъ громъ, сверкнула молонья...
 Я проснулась, испугалась!

Въ это время начинается между народомъ говоръ: «Дружка подѣхалъ ко двору!»—Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку съ поѣздомъ, прѣѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ; при этомъ иногда бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ вина и пива, просить уступить путь-дорогу нареченному князю. У дому ворота или калитку также затворяютъ, и дружка стучитъ, говоря:

— Господи Иисусе Христе! (Трижды). Есть ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на паты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ (отецъ невѣсты) выходитъ, растворяя двери, кланяется и пропускаетъ въ избу гостей. Дружка топаетъ, и начинается слѣдующій разговоръ:

— Вѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкой дворъ, поставилъ я добрыхъ коней среди широка двора, приказывать я объ нихъ—никому не приказывалъ, привязывать я—не привязывалъ. Нельзя-ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны: останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка приговариваетъ:

— Пришолъ дружка, лёгкая ножка, въ теплую хату къ любезному свату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ,

ножкой топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяйка къ печкѣ жмется. Возшолъ дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всё, что есть въ избѣ! Сватушко и сватьюшка, всё ли вы здоровы?—Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь.

Отправивши поклонъ, т. е. «челобитье», свату со сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ, и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкия бороды! Всё ли вы здоровы?—Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю рассказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: на васъ кафтаны оченно изорваны, четыре пды, бока голы.

— Здравствуйте, молодцы молодухи, покрытыя головухи! Всё ли вы здоровы? Наши молодцы всё здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю рассказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всё ли вы здоровы? Наши дѣвицы всё здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю рассказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: полно вамъ по криночкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, малые ребята, голыя пузата! Всё ли вы здоровы? Наши ребята всё здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю рассказать при васъ; если лъзя, да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: вы на полатахъ—то лежите, да намъ въ чашки сондей не паустите: намъ, гостямъ, морготно покажется!

Послѣ этихъ шутокъ, дружка обращается къ свахѣ или къ стоящему народу и спрашиваетъ:

— Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нареченнымъ княземъ усадить за столы дубовые?

— Мѣста все заняты; поподчуй насъ, друженька.

— Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно говорите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ понусту не томите. Я дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружимъ чиномъ поздравить.

— Извольте, добрые люди, пить-ѣсть—кушать, насъ добрыхъ молодцовъ слушать.

Дружка спрашиваетъ у свахи, иногда и у хозяина: какъ бы на мѣстѣ садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой *продавца* (брата ея), что онъ этимъ дѣломъ распоряжается. Дружка обращается къ продавцу:

— Нельзя-ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить и насъ добрыхъ молодчиковъ за столы дубовые посадить?

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, продавать—продаю.

— Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь: лисицами или куницами? или мѣсто княженецкое продаешь?

— Я торгую всемъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княженецкимъ.

— Сколько же тебѣ надобно, и чѣмъ берешь: золотой казной, или чѣмъ инымъ?—У нашего нареченнаго князя всего достаточно.

— Когда такъ, что я буду спрашивать, подавай мнѣ и отвѣчай.

— Изволь, молодецъ.

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всемъ.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба и звѣзднаго?

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ и подаетъ. Продавецъ

крестится и ставитъ образъ на полку. Надо замѣтить, что дружка входитъ въ домъ съ образомъ.

— Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

— Дай мнѣ, друженька, поле яровое, другое ржаное, третье паренину.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

— Давай мнѣ море на пяти столбахъ въ дремучихъ краяхъ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или въ ендовѣ. Послѣ этого пойдутъ опять загадки; продавецъ спрашиваетъ дружку, а женихъ со своей родней все еще продолжаетъ стоять; народъ шумитъ въ избѣ, говоритъ, смѣется; невѣста плачетъ и причитаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

— Чѣмъ ты, друженька, впередъ шель?

— Мыслями съ молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?

— Поле великое—небо ясное; скотъ—звѣзды; пастырь—мѣсяцъ; двѣ агницы—утренняя и вечерняя зари.

— Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, наверху лёнъ?

— Дубъ—квашня; тина—тѣсто; сосна—мутовка; лёнъ—покрывало.

— Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, какъ Кирикъ; вышелъ изъ огня, какъ Юсифъ; кто увидитъ, всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?

— Горшокъ.

— Дома-то таять-таять, въ лѣсу-то лаять-лаять, сколо тирруценки, а въ серединѣ—тирру!

— Сито.

— Летять птица орель, несеть во рту огонь, а на концѣ хвоста смерть?

— Ружье.

— Два кума—Абакума, двѣ кумы Овдотьи, пять Фалелеевъ, десять Андреевъ?

— Дровни.

— Раскину я шашки, ввалю толстяка?

— Лошадь въ оглобли вводится.

— Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я.

— Собственное имя.

— На плѣшь кануль, о плѣшь хлопнуль, съ плѣши долой?

— Блинь.

— Ползунчики ползуть, бѣгунчики бѣгутъ, рогунчика везуть, толстяка колотъ хотять?

— Ползунчики—два полоза у дровней; бѣгунчикъ—лошадь; рогунчикъ—вилы; толстякъ—стогъ сѣна.

— Два стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить?

— Дверь.

— Поймаю гуся, пушу его въ воду, буду имъ водить, онъ будетъ говорить.

— Гусь—перо; вода—чернила; водить—писать; говорить—читать.

— Шелъ я мимо Поповскаго, видѣлъ диво таковское: брюхо-то рѣжутъ, тѣло въ адъ валять, душу-то въ рай тащатъ.

— Молотьба.

Въ народѣ начинается говоръ: «Дока на доку нашолъ! Ну, полно тебѣ торговать, морить нареченную-то родню. Всѣ ли у тебя приговорки?»—«У меня, сударики мои, есть ихъ цѣлое лукошко бездонное, давеча нарочно съ собой захватилъ угостить дорогихъ гостей.»

— Ну, вишь спрошу друженьку въ останний разъ: дай мнѣ, друженька, чего у нашего хозяина въ домѣ нѣтъ.

Дружка беретъ за руку жениха, подводитъ къ продавцу; продавецъ беретъ жениха за руку и сажаетъ съ невестой. Прочіе

поѣзжане выкупаютъ себѣ мѣста за деньги у дѣвухекъ, сидящихъ за столомъ, и усаживаются.—Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, столъ начинается у невестина отца до вѣчанья, а въ другихъ послѣ. Если до вѣчанья столуютъ; тогда невеста въ продолженіе всего столованья сидитъ съ женихомъ, покрытая, и продолжаетъ причитать. Если столованье идетъ послѣ вѣчанья, то когда прибывшіе усѣдутся, вышьютъ по рюмкѣ вина, по стакану пива, закусятъ пирогомъ и поѣдутъ къ вѣнцу. За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству занимаетъ мѣсто за столомъ; *тысяцкій* садится на самый уголь подь образъ. *Тысяцкимъ* бываетъ крестный отецъ или родной дядя жениха. *Большой баринъ* садится рядомъ по другую руку тысяцкаго отъ угла; это—или дядя жениха, или второй братъ его; отъ тысяцкаго садится *второй баринъ*—братъ жениха или младшій дядя. Рядомъ съ женихомъ садится братъ жениха родной или двоюродный; онъ называется *братнее мѣсто*; напротивъ стола садится дружка съ полудружемъ и прочіе поѣзжане, свахи и свати по вторую сторону къ кутѣ отъ невесты. Когда дружка входитъ въ избу и ведетъ разговоръ съ продавцомъ, невеста причитаетъ:

Что это, родимый батюшко,

Что у ты за пиръ собирается,

Что за гости къ намъ съѣзжаются?

Собираются на пиръ пировать

Злые вороги, чужи люди,

То мой съ тобой разлучники.

Говорила я родимому

И въупросъ просила—плакала:

Не пускай къ себѣ разлучниковъ!

Не послушался, не сжался,

На меня младу прогнѣвался.

Знать, не долго мнѣ осталось

Посидѣть-то здѣсь, поплакати

У родимыя у матушки,

У кормильца родна батюшка,

У соколовъ братцовъ милыхъ!

Когда жених садится съ невестой, она причитаетъ къ нему:

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
 Поплотнѣ со мной рдлышкомъ,
 И садись не съ спѣсью—гордостью,
 А садись съ Господней милостью,
 Чтобы жить-то намъ не маяться,
 А проживши, не спокалться.

Послѣ этого причитанья, невеста обращается къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво, и каждый изъ нихъ долженъ положить неветѣ на блюдо или въ стаканъ денегъ. Эти причитанья слѣдующіе:

Ты изволь-ко, сударь тысячкѣй,
 Изволь выкушать зелена вина.
 Зелено вино у батюшки
 У кормильца для васъ куплено,
 А моимъ слезамъ разбавлено.

Такимъ порядкомъ, къ каждому поѣзжанину невеста причитаетъ до окончанія стола. Столъ оканчивается. Дружка встаетъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

Встану я добрый молодецъ
 Со лавочки со дубовыя,
 Отъ прибоинки отъ кленовыя,
 Изъ-за столика крашенаго,
 Изъ-за скатерти самобранныя,
 Изъ-за яства сахарнаго,
 Изъ-за питья медвянаго,
 Изъ-за сгибля сдоблѣнаго,—
 Новонареченнаго князя
 И молодую княгиню
 Изъ-за стола выводить,
 Подъ златъ вѣнецъ благословить.

За дружкой поднимаются все и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ-соль и угощеніе. Дружка, выведя жениха и невесту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть ли у нашихъ новонареченныхъ молодыхъ князи и

княгини батюшко и матушка?—Извольте выходить и свое чадо милое благословить.

Отецъ и мать благословляютъ жениха и невесту, которые кланяются имъ въ ноги. Выходя изъ-за стола, невеста причитаетъ... Сколько тутъ бываетъ слѣзъ! Тяжело народъ разгадается съ милыми сердцу.

Ужь какъ знать-то красной дѣвицѣ
 Мнѣ сидѣть—не отсидѣтися,
 Горючимъ слезамъ не отплакаться,
 Мнѣ вставать на рѣзвы ноженки,
 Выходить изъ-за стола дубоваго,
 Изъ-за питья, яства батюшки,
 Изъ-за снадобья-то матушки.
 Раздвигайтесь, столы дубовые,
 Собирайтесь, скатерти самобранныя,
 Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко
 И родимая моя матушка,
 Отъ радѣнья ретива сердца,
 Чтобы жить-то мнѣ не маяться,
 На меня бы вамъ не плакаться.
 Ваше-то благословленьцо
 Мнѣ дороже злата-серебра,
 Краше солнышка мнѣ краснаго:
 Я, вѣдь, съ нимъ-то красна дѣвица
 Буду жить до гробовой доски.
 Вы прощайте, мои милые,
 Не забудьте меня бѣдную
 На чужой дальней сторонукѣ,
 Въ чемъ сгубила—не прогнѣвайтесь,
 Я была глупа, не вѣдала,
 Что придется съ вамъ разстаться.

Потомъ дружка, послѣ благословленія родителей, говоритъ:

— Есть ли у нашей нареченной княгини крестный батюшко и крестная матушка?—Подходите и благословите чадо крѣстное.

Вызываемые подходятъ, благословляютъ и прощаются съ невестой; начинаются прощанія родныхъ; невеста опять реветъ толстымъ голосомъ. Дружка идетъ, приговаривая:

Пошолъ дружка—
 Веселая ножка

Изъ дому угощенъ
И холиномъ улещенъ.
Накупишь дружка
И куницъ, и лисицъ,
И красныхъ дѣвицъ;
На коня садится,
Конь веселятся,
Къ церкви катѣтъ,
Земля дрожитъ.
Шапки долой!
Ѣдетъ князь молодой.

Дружка садится въ сани и ѣдетъ къ церкви; рядомъ съ нимъ напередъ сидитъ полудружье; за дружкой ѣдетъ женихъ съ «братнимъ мѣстомъ», потомъ родные жениха по старшинству и наконецъ невѣста—на парѣ, провожаемая дѣвицами отъ своего дома за овины родной деревни. Невѣста причитаетъ:

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Въ чемъ сгубила—не прогибайтесь.
Вы пойдете, мои милыя,
На работушку на лѣтнюю,
На гулянья на веселья,
На бесѣдушку на зимнюю:
Вспомните меня, милыя,
Вы, весной, въ лугахъ зеленыхъ,
Когда будете плести вѣнки.
Для меня, для красной дѣвицы,
Голубой вѣнокъ не надобенъ:
Я плела его въ послѣдній разъ
И бросала въ рѣчку быстрюю;
Унесло вѣнокъ въ чужу сторону,
Ко синю морю Хвалынскому.

Дѣвушки, сидя у невѣсты на саяхъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединого,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыхъ.

Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь пачала кричати имъ:
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ лебедушка
Залетѣла—не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною.
Отѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подругъ—Авдотьюшка—
Въ чужедальную сторонушку,
Не своей она охотою:
Повезли ея добры кони,
Что добры кони стоялые
Удалого добра молодца.

Кончивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ невѣстой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за уѣзжающимъ поѣздомъ.— Въ продолженіе всего своего просватанья, невѣста сидитъ за столомъ закрытая, и лица своего не показываетъ; въ церковь она ѣдетъ тоже закрытая, и только тогда открываютъ ей лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налоя. После вѣчанія, все слѣзы и причитанія кончаются. Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха; отецъ и мать послѣдняго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя на дворѣ, отецъ одной иконой, а мать хлѣбомъ-солью и вмѣстѣ съ тѣмъ иконой, потомъ вводятъ въ особую горницу или чуланъ, гдѣ ихъ пѣскоро кормятъ. Между тѣмъ поѣзжане усаживаются за столы, молодыхъ также усаживаютъ, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется, до увалу; одни новобрачные ничего не ѣдятъ. По окончаніи стола, ихъ отводятъ въ особую пѣзу или горницу, спать...

У.

Княжій столъ.

Княжій столъ готовится у новобрачнаго на второй день послѣ свадьбы. Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера поѣзжане идутъ

поднимать молодых, но въ спальню входитъ одна сваха, будить новобрачныхъ (что и называется «поднимать»); прочіе же стоятъ на повѣти или въ сѣняхъ и, при выходѣ молодыхъ, громко ихъ поздравляютъ, бьютъ горшки, крики и проч. Молодые садятся за столъ, поѣзжане тоже, и начинается завтракъ, опохмѣливанье. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ сражаютъ къ тестю, тѣщѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ; у тестя угощаютъ ихъ чаемъ и закуской. Вскорѣ новобрачные возвращаются домой; вслѣдъ за ними прѣзжаетъ и новая родня, т. е. отецъ, мать и другіе родственники жены; ихъ усаживаютъ по мѣстамъ, и начинается княжій столъ. Новобрачные садятся на лавкѣ, посрединѣ стола; новая родня занимаетъ первенство, т. е. усаживается отъ передняго угла къ новобрачнымъ; отецъ и мать «молодой княгини» — на самомъ углу подъ образами, если нѣтъ въ числѣ гостей священника, иначе онъ занимаетъ это мѣсто; далѣе къ кути отъ новобрачныхъ — родные «князя». Отецъ и мать его за столомъ не сидятъ, а только угощаютъ виномъ и пивомъ, и подаютъ кушанья. За княжьимъ столомъ, новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Подгулявшіе поѣзжане, обращаясь съ недопитымъ стаканомъ къ новобрачному, безпрестанно говорятъ: «Горько очень, Иванъ Ивановичъ!» — Новобрачный долженъ встать и поцѣловать жену, благодаря гостей поклономъ; гость допиваетъ свой стаканъ и, замѣтивъ, что «вотъ теперь очень сладко стало», — самъ цѣлуетъ новобрачныхъ. Такимъ порядкомъ идетъ цѣлованье за княжьимъ столомъ. Я полагаю, что молодымъ придется поцѣловаться, вслѣдствіе просьбъ подгулявшихъ гостей, не одну сотню разъ. Еще цѣлуются за «почкой», когда подаютъ жаркое: дружка разрѣзываетъ почку на мелкіе куски (къ обязанности его относится солить и рѣзать кушанье), надѣваетъ ихъ на вилку и подаетъ новобрачному, который подаетъ своей женѣ и цѣлуется съ ней, потомъ съ дружкой. Такимъ образомъ каждый поѣзжанинъ подходитъ съ почкой къ новобрачнымъ и цѣлуется; затѣмъ хмѣльные мужички лѣзутъ цѣловаться къ своимъ и чужимъ бабамъ. Княжій столъ идетъ по крайней мѣрѣ пять-

шесть часовъ. Посторонняго народу бываетъ множество: сходятся смотрѣть вся деревня. Цѣлованье бываетъ тоже и за первымъ столомъ; но этотъ столъ продолжается значительно короче княжьего. Поѣзжане встаютъ, благодарятъ хозяевъ; нѣкоторые уѣзжаютъ, а другіе, еще хвативъ зелена-вина, заѣваютъ пѣсни и начинаютъ плясать. Такъ идетъ время почти до полуночи.

VI.

Третій день.

Изъ поѣзжанъ, а также изъ новой родни, на третій день никого не остается. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки, и смотреть: умѣетъ ли молодая приниматься за стряпню, но преимущественно заставляютъ стряпать блины. После обѣда на третій день къ новобрачнымъ собираются посидѣть дѣвцы, молодыя женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни и заводятъ разныя игры; при этомъ новобрачная угощаетъ посѣтителей блинами, прынками и орѣхами.

VII.

Отводины.

Такъ называемыя *отводины* бываютъ черезъ недѣлю или два черезъ четыре послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодыхъ и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Тесть ѣдетъ звать къ себѣ въ гости зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя, — тогда приглашаютъ къ себѣ по старшин-

ству родные молодой.—и такимъ порядкомъ всё ходять изъ дома въ домъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ окончаніемъ отводня, свадьбу считаютъ конченной.

Почему дано названіе: «отводня», сколько я ни старался узнать, не узналъ.

VIII.

Свадебная суевѣрія.

Когда сватунья пришла сватать невѣсту, во все время разговора съ родными ея, сватунья не должна садиться; хвалить жениха и договариваться обо всемъ она должна стоя на ногахъ. Если сватунья сядетъ—не будетъ пути! Сколько ни заставляютъ ее садиться, она отбивается; въ случаѣ крайности, если ноги устанутъ, на колѣни встанетъ.

Сговоренную невѣсту закрываютъ платкомъ, и она не показываетъ лица, чтобы не взглянули: вѣдь народу ходитъ много, у иного, дескать, дурной глазъ!

Когда невѣсту собираютъ къ вѣнцу, то въ сарафанъ, рубашку, подолъ и вдротъ втыкаютъ безухія иглы и булавки, на тѣло повязываютъ обрывки мережки; всё это дѣлается для того, чтобы невѣсту и молодую во время свадьбы не испортили.

Новобрачныхъ, за столомъ послѣ вѣнца и княжескимъ столомъ, садятъ непременно на шубу, вывороченную вверхъ шерстью, чтобы ихъ не испортили, и чтобы жили они богато, да водился бы у нихъ скотъ.

Во время столованья за княжескимъ столомъ и первымъ столомъ, новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога на ногу, чтобы не пробѣжала между ногъ черная кошка. Если такой грѣхъ случится, молодые будутъ жить худо, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, они должны взяться за скобу у двери и сказать: «Пусть всё наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ!» Есть между народомъ суевѣріе, что желѣзо принимаетъ отъ человѣка всякую болѣзнь, а въ особенности желѣзо ржавое, которое многіе крестьяне носятъ во время повалныхъ болѣзней на крестѣ.

Когда на брачующихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: «вѣчается рабъ божій такой-то», то послѣдній крестится и говоритъ тихонько:—«Я, рабъ божій, вѣчаюсь, а мои болѣзни не вѣчаются». По понятію народа, если у брачующихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣчаютъ, тогда ихъ никогда не вылѣчишь.

Во время вѣчанія, у котораго изъ брачующихся свѣча сгоритъ больше или погаснетъ, тому прежде умереть.

Молодую вводятъ въ домъ къ свекру отъ вѣнца; тогда свекровь, у воротъ, суетъ новобрачной подъ пазуху пирога, который новобрачные и должны съѣсть въ тотъ же самый день пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили сыто, въ любви, въ согласіи.

Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, оставляется навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ для того, чтобы жить замужемъ—не плакать.

С. Деруновъ.